

МАКИАВЕЛЛИЗМ И ЦИНИЗМ

Идея, которая мною владеет, такова: в принципе можно выделить два чистых типа *человека политического* – макиавеллистский и кантианский. Для каждого из них характерен вполне определенный стиль мышления и, соответственно, дискурс. Я прослеживаю развитие этих двух дискурсивных линий и разных смешанных форм, образующихся в результате их пересечения, ретроспективно на материале политических учений, начиная от древнеиндийского трактата “Артхашастра” и заканчивая современными политическими текстами и высказываниями. Моя задача – показать, что методология примененного анализа текстов обладает определенными верификационными и эвристическими возможностями.

Следует отметить, что в чистом виде указанные типы *homo politics* встречаются “в природе” крайне редко и, как правило, малопривлекательны, хотя и в разных отношениях. Например, один из идеальных типажей кантианского типа – это правозащитник. Когда известный российский правозащитник С. А. Ковалев с полной убежденностью заявляет (в программе радио “Свобода” 18 июля 1998 г.): “Все, что подчиняется политическим соображениям, не имеет право называться правом”, – такая позиция чревата абстрактностью и чистейшим идеализмом. Есть же понятия “правовая политика”, “политико-правовой режим” и т.п., которые обнажают неразрывную связь политики и права. Сам Ковалев пытался занять позицию “вне политики” во время чеченской войны, а в результате его использовала одна из противоборствующих сторон. И, главное, он настроил против себя не только власть, но и большинство российских граждан. Я охотно соглашусь с тем, что люди этого типа чрезвычайно облагораживают сферу политики, подчеркивая ее нравственно-идеалистический аспект, внося в нее необходимый фермент совести. Тем не менее они – неважные политики, если не сказать – никакие. Характерно, что они ощущают это сами. Впрочем, правозащитники склонны думать, что дело не в них, а в бесчеловечности современной государственности и политики.

Однако в данной статье я намерен уделить больше внимания не кантианскому, а макиавеллистскому дискурсу. О знаменитом флорентийском секретаре Макиавелли за несколько веков написаны горы литературы, высказались самые известные мыслители и государственные деятели¹. Эти высказывания сводятся к двум прямо противоположным мнениям, породившим “загадку Макиавелли”. В целом можно подвести итог: репутация Макиавелли скорее плохая (амморалист, в лучшем случае – имморалист), чем хорошая (отделил политику от личной морали и религии, выделил в ней рациональный аспект, который позволяет рассуждать о политике в научной плоскости).

Моя точка зрения состоит в том, что то, что принято считать макиавеллизмом, всего лишь его гримаса, а не суть. Не норма, а отклонение от нормы, по которой почему-то решили судить о норме. Если болезнь названа именем врача, ее описавшего, то вряд ли стоит винить врача. Макиавеллизм культивировался задолго до Макиавелли, о чем свидетельствует упомянутый трактат “Артхашастра” или, скажем, высказывания древнегреческих софистов.

Макиавеллизм – это установка на целерациональное объяснение или действие, это указание на политтехнологический прием. Макиавеллизм скорее есть вера в *науку политики*, первым правилом которой является четкое определение национального интереса и преследование пользы. Кантианский стиль продиктован верой в *мораль*, польза которой неочевидна.

Политик-макиавеллист – не монстр, не злодей, не стопроцентная скотина, как принято думать. Это скорее *веберовский бюрократ*, целерациональный тип, который превыше всего ценит эффективность управленческого решения. Оправданием ему служит то, что политический (деловой) эффект превышает издержки, без которых все равно не обойтись. Жертвовать надо, но делать это надо оправданно, *целесообразно*.

Слово “целесообразно” – ключевое для понимания психологии макиавеллиевского человека. Как сказал Наполеон I, “*сердце государственного деятеля должно находиться у него в голове*”. А его министр Ш. Талейран произнес стопроцентную макиавеллистскую фразу: “*Если хочешь вести людей на смерть, скажи им, что ведешь их к славе*”.

“*Все искусство управления состоит в искусстве быть честным*” – этот афоризм в кантианском стиле рожден Т. Джефферсоном. Он исполнен глубочайшего смысла: вести себя в политике так, чтобы не надо было лгать – это величайшее, я полагаю, недостижимое искусство. Ведь речь идет о положениях. Вряд ли был в истории такой политик, который *во всех, без исключения, положениях* чувствовал себя настолько сильно, что не испытывал необходимости прибегать ко лжи или лицемерию (полуправде), этого оружия слабых. Но стремиться к этому как к своему идеалу должен, вероятно, каждый уважающий себя государственный деятель.

В устах Макиавелли джефферсоновский афоризм приобрел бы следующий вид: все искусство управления состоит в искусстве *казаться* честным.

“*Законы – это бумажные салфетки, которыми номенклатура вытирает лоснящиеся губы*”, – этот афоризм родил бывший красноярский генерал-губернатор А. И. Лебедь, не макиавеллист, а циник, ибо сказать в циничной форме *правду* – это не макиавеллизм. Впрочем, макиавеллист вполне может быть и часто бывает циником, а вот кантианец – нет, ему скорее соответствует натура пафосная или романтическая.

Повторю: цинизм есть форма. Многим она не импонирует, а еще многих шокирует, потому что воспринимается как покушение на мораль. Приписываемая Макиавелли фраза “*цель оправдывает средства*”, испортившая ему репутацию в веках, пронизывает ледяным холодом цинизма. Макиавелли де оправдывает хитрость, ложь, убийство, любое преступление, если они ведут к цели. Но так ли это? Могут ли негодные средства привести к цели? Если считать, что цель и средства взаимосвязаны в одной системе координат – а я так считаю, – то цель оправдывает *только* те средства, которые к ней *действительно* ведут. Поэтому об истинной цели можно и нужно судить по используемым средствам. Когда, к примеру, президент США заявлял, что целью американского вторжения в Ирак

является освобождение иракского народа от тирана и всего мира от якобы исходящей от Ирака угрозы применения оружия массового уничтожения, можно с уверенностью утверждать, что это была пропагандистская ложь, так как широкомасштабной бомбежкой иракских городов с использованием запрещенных в мире видов бомб такой цели достичь нельзя. Зато контроль за мировым нефтяным рынком, обеспечение стратегического присутствия США в центре арабского мира для решения в будущем еще более глобальных задач идеально соответствует примененным средствам. Когда американец Билл Вон изрек: “Американцы переплывут океан, чтобы сражаться за демократию, но не перейдут через улицу, чтобы проголосовать”, - он и не подозревал, насколько прав. Судя по последним действиям, Соединенные Штаты за американскую демократию во всем мире горло всем перегрызут.

Соединенные Штаты не имели права рисковать стабильностью мира, им в таком праве было отказано остальным миром в лице Совета безопасности ООН. Теперь *всему* миру это будет стоить очень дорого. Такова основа претензий к США.

С американцами все понятно: они ведут чисто империалистическую политику. Но дело в том, что накануне и в ходе войны в Ираке наши отечественные и полуотечественные политики и политологи выдвинули такой спектр аргументов макиавеллистского толка, что стало очевидно, что в освещение темы макиавеллизма внесены свежие краски. Действительно, когда г-н В. Ющенко высказывается в том плане, что мы против войны, но она стала фактом, поэтому, *несмотря на нее*, мы должны поддерживать *нужные нам* нормальные отношения с агрессором, - это чистый макиавеллизм. Когда президент России В. Путин говорит, что Россия осуждает войну США в Ираке, но не желает им поражения, поскольку в этом случае резко упадет курс доллара и пострадают граждане России, которые держат свои сбережения именно в американской валюте, - это чистейший макиавеллизм. Когда нардеп ВР И. Гурвиц заявляет, что Украина должна открыто поддержать войну США в Ираке, потому что она нам выгодна, так как в случае победы США мы будем покупать дешевую иракскую нефть, - это есть макиавеллизм уже в циничной упаковке, то есть та самая гримаса макиавеллизма, раковая болезнь политики, которая подорвала репутацию самого Макиавелли в веках. Еще ярче эта тенденция обнаруживалась в публичных высказывания политологов, которые в аналитических передачах на глазах телезрителей дотошно выясняли, в чем состоит “наш” интерес в иракской войне. Бизнес на крови их явно увлек. Кое-кто, правда, чувствовал неловкость и оговаривался, но большинство не испытывало ни тени смущения.

Обратная сторона цинизма – недостаток достоинства. В украинской внешней политике хронически отсутствует достоинство. Вся история с посылкой в Ирак батальона противохимической защиты (и предыстория с системами воздушного оповещения “кольчуга”) есть сплошной цинизм и рептильность, то есть худшая форма макиавеллизма, если, конечно, это просто не глупость. В очередной раз украинский политикум продемонстрировал, что ему наплевать на мнение преобладающего большинства украинского народа, что у него якобы есть особое, “политическое” решение.

Вообще положение выглядит так, что сегодняшние политики (имя им легион), заявляющие о своей приверженности демократии, *хотя* выглядят макиавеллистами, подчеркивая, что “дело – прежде всего, а сантименты – ни к чему”. Напротив, всякие рассуждения морально-нравственного характера у них явно не в моде и ассоциируются с беспочвенным морализированием. Я считаю, это – симптом времени, симптом кризиса. Б. Рассел писал: “...бывают такие периоды хаоса, когда успех нередко сопутствует отпетым негодьям; к числу таких периодов относился и период Макиавелли. Такие времена характеризуются быстрым ростом цинизма, побуждающим людей прощать все что угодно, лишь бы это было выгодно”². Мы явно попали в “период Макиавелли”. Социально-психологический феномен этого периода известен: всякий раз, когда мы освобождаемся от угнетающих нас пут, будь то средневековая церковь или тоталитарное коммунистическое государство, то есть мы оказываемся в постсредневековье или посткоммунизме, - мы освобождаемся прежде всего от ответственности и дисциплины, от морали, которая подкреплялась внешним авторитетом.

Напомню, что в годы “перестройки” и в первые годы украинской независимости превалировала критика тоталитаризма, советского строя именно с морально-нравственных позиций. Тогда много правды и справедливой критики было сказано в адрес большевизма и сталинизма. Но также имел место определенный перефлекс, уклон в сторону антиисторического морализирования. Стоит почитать книги А.Н. Яковлева или Д.И. Волкогонова, чтобы в этом убедиться. В них большевизм прямо отождествляется со сталинизмом. Мне же думается, что есть существенная разница между ними. Это как раз разница между макиавеллизмом и цинизмом. Если большевики были романтиками революции и считали революционное насилие *на определенном этапе* необходимым, то сталинисты абсолютизировали насилие, возвели его в ранг постоянного фактора в политике.

Складывается впечатление, что сегодня в наших эшелонах власти слишком много “демократических сталинистов”. В частности, они убедили себя, что “народ всегда недоволен властью” и, решив, что “все равно всем не угодишь”, угождают только себе и своему ближайшему окружению. Это и есть цинизм, или извращенный макиавеллизм.

История вокруг войны США с Ираком, первой войны XXI века, показала, что есть макиавеллизм и *макиавеллизм*. Сам по себе макиавеллизм не может быть предметом осуждения *arguere*, как и любой рациональный дискурс. Безусловного осуждения достоин лишь превратный, циничный макиавеллизм, то есть макиавеллизм, прямо идущий вразрез нравственности. Идеальный тип политика образуется путем сочетания в себе мерами макиавеллистской целерациональности и кантианской идеалистической устремленности к гуманизму, свободе и достоинству.

У людей, по-видимому, нет рациональных, сугубо политических критериев определения “правильной”, “целесообразной” политики, особенно когда идет речь о применении военной силы. Это и понятно: чтобы рассчитать долговременные последствия, надо быть Богом. Есть единственный критерий, который дан “свыше”, – это нравственность. Нравственность и основанное на ней право,

которое уже отработано мировым сообществом. Нравственность трактуется не в плане личной морали, а в кантовском смысле – как онтологическое измерение нашего мира. Нравственность изнутри нашего мира невозможно рационально объяснить, но это не значит, что она иррациональна. Скорее можно предположить, что она связана со *сверхрациональностью*, человеку в принципе недоступной. Если это не так, то все мировые религии полностью бессмысленны.

Литература

1. Историографию вопроса см. в: Юсим М. А. Этика Макиавелли. – М., 1990; его же. Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий. – М., 1998; Макиавелли в России: восприятие на рубеже веков. – М., 1996.
2. Рассел Б. История западной философии: В 3-х кн./ Пер. с англ., вступ. и подгот. текст В.В. Целищева. – Кн. 3. - СПб.: Изд-во “Азбука”, 2001. – С. 605.

Опубликовано на украинском языке в: Держава і право. Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. – Вип. 23. – Київ, 2004.